

На первый взгляд, обе стороны жили мирно, но на самом деле между ними таилось множество противоречий. Каждая из сторон жаждала бы избавиться от другой, но Ю Дачунь хотел вернуться живым и не решался переходить границы — это была чужая территория. Он знал, что Хо Янь в гневе действительно способен убить, и понимал, с кем можно связываться, а с кем нет. Он постоянно испытывал терпение, балансируя на самой грани. Хо Янь же действовал сдержанно: пока Ю Дачунь не причинял вреда солдатам Армии Стражей Севера и не выведывал военные секреты, он позволял ему шуметь, но за любой ущерб требовал компенсацию. Война длилась уже долго, солдатам нужно было немного расслабиться, повеселиться, посмотреть на шутовские выходки да заодно выбить немного денег, чтобы встретить Новый год. В конце концов, их совместное существование не продлится долго: война закончится, наступит праздник, и Ю Дачунь быстро соберёт вещи и уедет.

Теперь, когда Гу Тин тоже находился на пограничном укрепленном форту, их случайные встречи были неизбежны.

Ю Дачунь смотрел на Гу Тина с нескрываемой неприязнью. При виде этого изящного, приятного лица его охватывала ярость. Как он мог поддаться на уловки этого мерзавца! А этот подлец ещё и улыбается! Чему радуется? Думает, я, как Хо Янь, буду поддаваться на его уговоры?

Его взгляд стал ледяным, голос наполнился злобой:

— Ты доволен, что из-за тебя погибло столько людей?

Гу Тин, ничего не зная о событиях прошлой ночи, с недоумением переспросил:

— Столько людей погибло?

— Ты ещё притворяешься! — Ю Дачунь скрестил руки на груди, насмешливо усмехаясь. — Думаешь, раз ты здесь, под чьей-то защитой, я ничего с тобой не смогу сделать?

Гу Тин, держа в руках медную грелку в форме тыквы с узором из счастливых сорок, стоял прямо, как стройный бамбук, и мягко улыбался, излучая безмятежность:

— Ваше превосходительство, вы известны своей справедливостью и рассудительностью. Вы точно не станете причинять вред без причины.

Ю Дачунь задохнулся от гнева, его взгляд стал угрожающим:

— Ты издеваешься надо мной?

Гу Тин с искренним удивлением ответил:

— Как это возможно? Вы, должно быть, ошибаетесь.

Он действительно хотел провести оставшиеся дни спокойно и мирно. После всех этих потрясений, даже если другие не устали, он устал. Но это был пограничный укрепленный форт, территория князя — Стража Севера, а он — сокровище его сердца. Его положение давало ему неоспоримое преимущество, и Ю Дачунь, находясь в постоянном напряжении, воспринимал любое его действие как вызов.

Ю Дачунь плюнул:

— Ты правда думаешь, что я во всём уступаю Хо Яню?

Гу Тин даже не задумался, искренне кивнув:

— Это факт, ваше превосходительство. Вам стоит признать свою обычность. Как может простой смертный сравниться с божественным?

Глаза Ю Дачуня сузились, он повысил голос:

— Ты наглец! Я бран нынешней императрицы, генерал, лично назначенный императором! Твоя дерзость — преступление, караемое смертью!

— В лагере Армии Стражей Севера, кто здесь шумит?

— Господин Гу, здравствуйте! Вы на прогулку? Всё в порядке?

— Прошлой ночью снежок выпал, на земле гололёд, господин Гу, будьте осторожнее. Проводить вас?

Едва Гу Тин и Ю Дачунь столкнулись, стражники Армии Стражей Севера уже были начеку, подавая знаки своим товарищам. Пока Ю Дачунь просто злобно смотрел, это ещё можно было терпеть, но он вдруг закричал и набросился на Гу Тина!

Кто бы это стерпел? Все тут же подошли, явно демонстрируя поддержку. Первые слова ещё звучали прилично, но дальше шла откровенная защита и намёки на угрозу. Они не только защищали Гу Тина, но и бросали на Ю Дачуня ледяные взгляды, ясно давая понять: попробуй только тронуть! Ищешь смерти?

Ю Дачунь с шумом вдохнул, его взгляд стал ещё мрачнее. Он ткнул пальцем в Гу Тина:

— Ладно! Неуважение к императору и старшим! Хорошо! Жди! Если я с тобой, мелким мерзавцем, не справлюсь, то я не Ю!

Он ушёл, громко топая, явно вне себя от ярости.

С таким глупым и злобным человеком лучше не связываться: разозлившись, он становился как бешеный пёс, и нельзя было предугадать, что он выкинет. А у этого человека были связи при дворе. Солдаты забеспокоились о Гу Тине:

— Господин...

Гу Тин улыбнулся:

— Всё в порядке. А где князь?

Стражники замолчали:

— Он... наблюдает за обработкой тел погибших солдат.

Война между двумя государствами всегда приносит много жертв. Линия фронта постоянно меняется, и тела погибших не остаются на одном месте. Обычно после сражений Армия Стражей Севера старалась найти всех павших воинов и достойно похоронить их, но в такое напряжённое время это было особенно важно. Каждый день дежурные солдаты отправлялись на поиски, и каждый день находились новые тела.

Гу Тин хотел пойти посмотреть, но солдаты преградили ему путь.

Они молча стояли перед ним, их взгляды были твёрдыми.

Гу Тин:...

Он понимал, насколько коварна тактика северных ди. В Дася считалось, что человек должен быть похоронен с почётом, и при возможности тела всегда нужно предавать земле. Даже если у погибшего не было родных, его всё равно следовало достойно проводить. Северные ди использовали эту традицию, распространяя трупный яд среди всех тел, превращая их в смертоносные источники заразы. Любой живой человек, подхвативший этот яд, становился его носителем, и после смерти его тело тоже становилось ядовитым. Но если не трогать тела, яд продолжал распространяться, и остановить его было невозможно.

Кроме того, как определить, когда заражённый живой человек испустит последний вздох? Пока он жив, его нельзя считать трупом, и сжигать живого человека — негуманно. Но как только он умирает, яд активизируется. Кто знает, в какой момент это произойдёт и были ли рядом другие люди, которые могли заразиться?

Во многих случаях оставалось только надеяться на крепкое здоровье и удачу.

Гу Тин посмотрел на своё запястье, на котором не было следов заражения. Ему действительно повезло: он не раз контактировал с умершими, но трупный яд его миновал.

Не желая создавать лишних проблем, Гу Тин не стал настаивать и, прижимая к себе тыквенную грелку, вернулся в свою комнату. Затем он взял бумагу и кисть, чтобы написать письмо Мэн Чжэню. После того как Хо Янь снял некоторые ограничения, связь между границей и Цзююанем была восстановлена. Гу Тин подробно описал ситуацию на границе и спросил, как обстоят дела в Цзююане, есть ли прогресс в создании противоядия... Он надеялся, что обмен информацией ускорит процесс.

****Цзююань.****

Мэн Чжэнь был зол на Гу Тина за его внезапный отъезд и собирался устроить ему серьёзный разговор по возвращении. Но он не бросал своих дел. Из-за того, что он сам был отравлен и долгое время принимал лекарства, он стал своего рода врачом, очень чувствительным к ядам. Поскольку в его организме таился редкий и сильный яд, он был невосприимчив к обычным токсинам — будь то растительные, животные или трупные. Но долгое отсутствие результатов вызывало у него беспокойство.

Во время ужина в аптеке никого не было. Мэн Чжэнь смотрел на нож для резки трав, и вдруг его рука потянулась к нему. Он засучил рукав, обнажив своё белое запястье, и уже готов был сделать надрез...

— Бах!

Внезапно нож был отброшен в сторону, а лекарства с грохотом посыпались на пол.

Мэн Чжэнь поднял глаза и увидел своего брата.

Мэн Цэ был в ярости, его виски пульсировали. Он никогда так громко не кричал на брата:

— Что ты делаешь! Ты понимаешь, насколько это опасно!

Мэн Чжэнь, пойманный на месте, сначала испугался, но затем, разозлившись на крики, ответил:

— Я же не умру! Что тут опасного?

— Ты никогда не думал... что я могу умереть? — Мэн Цэ всегда был беспомощен перед братом, зная, что тот упрям. От волнения у него покраснели глаза.

Мэн Чжэнь вздрогнул, слёзы ручьями потекли по его щекам. Он закрыл лицо руками:

— Прости... Брат, прости, я ошибся...

От волнения он закашлялся, и из уголка рта показалась кровь.

Мэн Цэ, сердце которого разрывалось от боли, осторожно вытер кровь платком и мягко похлопал брата по спине:

— Ты не виноват. Это я ошибся. Я не должен был так говорить. Я не умру. Я хочу видеть, как ты растешь, как стареешь, разве я могу умереть? Но, малыш, твоя кровь не должна доставаться никому.

Мэн Чжэнь продолжал плакать:

— Я... я буду слушаться... моя кровь только для брата...

Мэн Цэ, не в силах сдержать гнев, потемнел лицом:

— Даже мне нельзя! Никому нельзя, понимаешь? Сколько у тебя крови? Сколько людей ты сможешь спасти? Даже если спасёшь нескольких, ты умрёшь, иссохнешь, а другие продолжат заражаться? — Он потер виски, тихо успокаивая:

— Полезно не твоя кровь, а противоядие. Путь будет трудным, но если не продолжать, как увидеть свет? Откуда ты знаешь, что твоя кровь — единственный способ спасти людей? Возможно, если продолжать искать, противоядие будет найдено.

<http://bllate.org/book/16279/1466344>